

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-2-56-63

Конкуренция видов и ее разрешение как творческий акт (На материале видовых вариантов в текстах Ф. М. Достоевского)¹

Сергей Александрович Карпукхин

г. Самара, Россия, e-mail: karpukhin163@mail.ru

В статье рассматривается проблема конкуренции видов в новом ракурсе. Вместо традиционного приема демонстрации данного явления – экспериментальной замены во фразе вида глагола на противоположный – исследуется насущный выбор одного из двух видов, обнаруженных в разных источниках текста при подготовке к изданию художественного произведения. Впервые на основе двухкомпонентной теории семантического инварианта глагольного вида выявляется аспектуальный смысл разрешения видовой альтернативы и – в результате контекстного анализа – предлагает художественная интерпретация выбранного вида.

Ключевые слова: *аспектология; совершенный вид; несовершенный вид; семантические инварианты видов; постситуация; конкуренция видов; мотивация выбора вида*

Ссылка для цитирования: Карпукхин С. А. Конкуренция видов и ее разрешение как творческий акт (На материале видовых вариантов в текстах Ф. М. Достоевского) // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 2. – С. 56–63. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-2-56-63.

Competition of Verb Aspects and Its Resolution as a Creative Act (Based on the Material of Aspects Variants in the Texts by F. M. Dostoevsky)

Sergei A. Karpukhin

Samara, Russia, e-mail: karpukhin163@mail.ru

The article considers the competition of verbal aspects from a new perspective. Instead of employing the traditional method of demonstrating this phenomenon – an empirical replacement of the aspect of a verb in a phrase with the opposite – the author examines Dostoevsky's choice between the variants found in different manuscripts of the same text. For the first time, based on a two-component theory of the semantic invariant of a verb type, the aspectual meaning of the selection of a verb aspect is revealed and, as a result of contextual analysis, an artistic interpretation of the selected type is proposed.

Keywords: *aspectology; perfective aspect; imperfective aspect; semantic invariants of aspects; post-situation; aspects competition; motivation for choosing a verb aspect*

A reference for citation: Karpukhin S. A. Competition of verb aspects and its resolution as a creative act (Based on the material of aspects variants in the texts by F. M. Dostoevsky). In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2020, vol. 81, No 2, pp. 56–63. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-2-56-63.

Конкуренций видов называют возможность их взаимозаменяемости при сохранении основного значения высказывания.

Например: Ты *читал* (*прочитал*) рассказы Толстого? Придется самому *ехать* (*съездить*) за дровами.

Впервые системное и вместе с тем компактное описание данного явления в русском языке дал полвека назад А. В. Бондарко [Бондарко 1971]. Позже к этому факту языка неоднократно

¹ Достоевский Ф. М. Бедные люди // ПСС: в 30 т. – Л., 1972. – Т. 1. – С. 13–108 (основной текст), 441–452 (варианты).

обращались исследователи в связи с разными вопросами русской аспектологии [Шведова 1984; Борисова 1997; Шелякин 2001; Князев 2004 и др.]. Однако, насколько нам известно, специального исследовательского интереса конкуренция видов до сих пор не вызывала. Не ставились, например, принципиальные вопросы о месте конкуренции видов в русской речи или о роли аспектуальной семантики при выборе одного из конкурирующих видов. Обычно способом демонстрации конкуренции видов и материалом ее интерпретации служит лингвистический эксперимент: составленная исследователем фраза (речение) или высказывание из какого-либо источника сравнивается с ее трансформой за счет замены вида глагола. Такой подход, в общем, вполне оправдан: в русской речевой практике, как устной, так и письменной, говорящий редко испытывает колебания с выбором вида глагола²; причем такие случаи конкуренции, как правило, недоступны наблюдению. Выбор вида в обычной речи — это такой же внутренний психический акт, как и скрытый выбор того, а не иного синонима.

Очередное обращение к конкуренции видов связано с оригинальным речевым материалом, что дает возможность по-новому осветить данную проблему. Предлагаемое исследование базируется на фактическом (а не экспериментальном) выборе одного из двух видов, который встает перед писателем (или редактором) — как элемент творческого процесса. Эта реальная конкуренция видов представлена, в частности, в перечнях разнообразных вариантов (грамматических, лексических и др.), установленных по различным источникам для научного издания художественного произведения: рукописным редакциям, прижизненным и последующим изданиям, автографам, эпистолярному наследию и др. В настоящей статье речь пойдет о конкурирующих видах, выявленных текстологами в романе Ф. Достоевского «Бедные люди» и включенных в списки вариантов к этому роману.

Методологической основой исследования выступает авторское понимание

семантического инварианта глагольного вида как двухкомпонентной модели. Суть этой модели: принципиальное семантическое различие между видами заключается в **отношении действия к ситуативному фону** (действие — один компонент, ситуация — второй компонент). Совершенный вид (далее также — СВ) называет действие, **сопряженное с ситуацией в объективном времени** (фиксированный вид). Несовершенный вид (далее также — НСВ) представляет действие **отстраненно от ситуации**, не сопряженное с ней во времени (нефиксированный вид), т. е. в его собственном **существовании** (подробнее см.: [Карпухин 2002]). Данное противопоставление объединяет все функциональные разновидности и оттенки видов.

Цель — продемонстрировать на примере конкуренции видов плодотворность двухкомпонентной модели при изучении семантики вида, показать на основе этой модели семантические модификации, обуславливающие выбор вида.

Для достижения указанной цели ставится **задача** выявить аспектуальную мотивацию (т. е. соотношение действия и ситуативного компонента) при выборе одного из конкурирующих видов.

Научная новизна исследования. Впервые в русской аспектологии на материале фактической конкуренции видов (возникающей при порождении — или редактировании — высказывания для художественного произведения) и на базе авторского понимания семантического инварианта глагольного вида показана аспектуальная мотивация выбора вида.

Обратимся к анализу заявленного материала. Всего в романе «Бедные люди» установлено 14 корреляций конкурирующих видовых форм. Из них в восьми предпочтение отдано НСВ, в шести — СВ. Следует иметь в виду, что в настоящем издании от видовых вариантов, которые мы рассматриваем в качестве конкуренции видов, отделены факты случайного смешения видов, установленные контекстуально и по разным источникам и исправленные редакцией, например: *вы ошибетесь* вместо *вы ошибаетесь*³.

Рассмотрим случаи выбора СВ.

² Однако «автоматизм» употребления видов в речи отнюдь не означает понижения фактора интенциональности говорящего (см. об этом: [Карпухин 2004]).

³ Перечни редакционных исправлений см.: Достоевский Ф. М. Указ соч. — С. 462–463.

1. *Подступила* осень вместо *Подступала* осень. (С. 43–44).

Глаголы *подступать* — *подступить* означают в этом случае не движение, а субъективное ощущение говорящим времени — в форме смены времен года, т. е. выступают в переносном значении. Это и обуславливает возможность их конкуренции. Ср. употребление этого глагола в прямом значении, где замена вида меняет смысл:

Одерживая победы над войсками Каледина и Корнилова, Красная гвардия *подступала* (ср. *подступила*) к Новочеркасску и Ростову. (М. Шолохов. Тихий Дон).

У Достоевского выбор совершенного вида означает восприятие Варварой наступления осенней погоды через **фиксацию состоявшегося перехода от процесса к постситуации** как фактора, усугубляющего ее (Варвары) тревогу за здоровье больного Петруши Покровского, тогда как сам процесс приближения осени, выраженный несовершенным видом, не обязательно проявляется ухудшением погоды.

2. *Я заметила* вместо *Я замечала*. (С. 64).

Варвара упрекает Макара за то, что он скрывал от нее свое тяжелое материальное положение, в результате которого упал духом и совершил недостойный нравственный проступок. *Я заметила*, — пишет она, — *вашу тоску в последнее время, и хотя сама тоскливо ожидала чего-то, но то, что случилось теперь, мне и в ум не входило*.

СВ фиксирует возникновение и сохранение в сознании Варвары нового впечатления, вызывающего тревогу за благополучие Макара, — его тоскливого настроения, т. е. самое действие здесь сводится к **трансформации преситуации** 'отсутствие основания для тревоги' в **постситуацию**, порожденную восприятием Варварой поведения Макара, — а именно 'возникновение основания для тревоги', хотя реально глагол *заметила* означает не одномоментный, а длительный процесс сознания, на что указывает обстоятельство *в последнее время* в приведенной цитате. Тем не менее несовершенный вид отклонен потому, что подчеркивал бы **повторяемость акта** восприятия Варварой угнетенного состояния Макара, что существенно снижало бы остроту этого наблюдения как повода для тревоги. Говоря медицинским языком, несовершенный вид представлял бы здесь восприятие хронического снижения тонуса

Макара. С помощью глагола совершенного вида выражено, что Варвара интуитивно почувствовала опасное обострение у Макара упадка духа *в последнее время*.

3. *Умереть* готов вместо *умирать* готов. (С. 73).

Макар заверяет Варвару в намерении помочь ей (избавиться от сомнительного внимания незнакомых людей) гиперболической клятвой — готовностью к своей смерти в случае ее нарушения — с помощью глагола совершенного вида. Форма, передающая **процесс** угасания жизни, очевидно, представлялась автору романа недостаточным средством выражением решимости и непреклонности стремления Макара. Совершенный вид здесь, с одной стороны, соответствует пессимистически экзальтированному характеру героя. С другой стороны, — в аспектуальном плане — возникновение допускаемого состояния бессилия (при невозможности помочь) обязательно повлечет за собою возникновение другой, крайне печальной **ситуации** — 'небытие Макара': *Ведь вот и теперь скорее умереть готов, чем вам не помочь!* — «воскликает» Макар в своем послании.

4. *А остальное назначено* вместо *а остальное назначаю*. (С. 74).

Макар сообщает Варваре о своем расчете расходования 40 рублей, которые он собирается занять под проценты. Совершенный вид краткого страдательного причастия *назначено* мотивирован следующим дискурсом. Расход денег на себя — для Макара не столько удовлетворение, сколько вынужденная мера. Не он *назначил* сумму на собственные расходы — неотступная нужда. Сапоги обносились, пуговки с борта сюртука обсыпались — как можно в таком виде в должность явиться! И Макар, скрепясь сердцем, раз уж деньги *назначены*, считает траты из предполагаемого займа как уже состоявшийся факт: *Так вот*, — констатирует он, — *сапоги и платок есть. Теперь пуговки, дружок мой!* — т. е. продолжает он обсуждать свой план с Варварой, сколько придется положить на пуговки? Все эти расчеты предопределены аспектуальной семантикой глагольной формы СВ *назначено* — **необратимостью возникшей постситуации**: раз назначено, значит, надо использовать по назначению.

Итак, в данной корреляции предпочтено отдано совершенному виду. Но в этом

же эпизоде письма говорится о другом — аналогичном — действии, для которого выбран глагол несовершенного вида, — *отлагаю*. Форма 1-го лица настоящего времени имеет здесь значение перформатива, как и конкурирующий, но отклоненный глагол *назначаю*: *Из сорока рублей двадцать пять отлагаю на вас, Варенька*. Деньги для Вареньки выделены уже самим употреблением глагола; они как будто физически, в ассигнациях, уже лежат на столе перед Макаром, — остается только переправить их по назначению. Выходит, что несовершенный вид, подрывая прерогативу совершенного вида, означает здесь переход действия на постситуацию, заключающуюся в достижении Макаром главной цели задуманного займа? На самом деле, это не так. Несовершенный вид и здесь не лишен своего основного назначения — **квалификации процесса**. Независимо от реальной краткости акта *отлагаю*, именно он в воображаемом своем **осуществлении** доставляет субъекту высшее нравственное удовлетворение — возможность помочь *бесценной Вареньке*.

Таким образом, выбор формы СВ *назначено* аспектуально мотивирован двояко: а) произвольно возникшей постситуацией и б) противопоставленностью форме НСВ *отлагаю*: 'мне назначено нуждой, а Вареньке *отлагаю* я'.

5. Он мне **объяснил** вместо он мне **объяснял**. (С. 95).

Макар рассказывает Варваре, как он помирился с Ратазевым — одним из соседей. Макар простил ему свою обиду, когда тот **объяснил** Макару, что имя Ловелас, которым он незадолго до этого обозвал Макара, — не брань или название какое неприличное, а значит в переводе с французского *проворный мальчик*. Макар же по натуре, ради мира с окружающими, готов поверить в любую небылицу — отсюда и совершенный вид глагола. Его аспектуальный смысл — **переход к ситуации** полученного удовлетворения как условия для окончания состояния ссоры.

6. Не одного меня **облагодетельствовали** вместо не одного меня **благодетельствовали**. (С. 95).

Речь идет о благодеяниях *его превосходительства* — некоего сановника, которому в этом письме поет осанну Макар. По-видимому, замена вида здесь подчинена

прежде всего другой грамматической необходимости — более четкому выражению значения переходности, что и достигается глаголом совершенного вида⁴. Впрочем, нет сомнения и в том, что значение совершенного вида — **переход действия на постситуацию** — для каждого отдельного его объекта важнее, насущнее, чем **многоактный процесс в его существовании** или **охват многих объектов**, выраженные несовершенным видом. Приблизительно такие ощущения должен испытывать Макар, рассказывая Варваре трогательные подробности о благодеяниях упомянутого лица не только ему, но и другим «бедным людям».

Комментарий. Во всех шести случаях совершенный вид демонстрирует аспектуальное значение «сопряженность действия с ситуативным фоном», которое в рамках двухкомпонентной модели признается его семантическим инвариантом. При этом все описанные факты конкуренции актуализируют один из возможных ситуативных компонентов — **постситуацию**⁵. В романе

⁴ В «Словаре современного русского литературного языка» глагол *благодетельствовать* в значении переходного действия фиксируется с пометой «устар.» (1950, т. I, ст. «Благодетель; благодетельница»). Во втором издании этого словаря данный глагол в переходном значении уже не фиксируется (1991, т. I, ст. «Благодетельствовать»). Такой «темп» развития семантики глагола скорее всего говорит о том, что процесс «старения» указанного значения зародился значительно раньше последнего лексикографического свидетельства принадлежности его к нормативному языку.

⁵ Всего мы различаем три ситуативных компонента: *преситуацию*, *постситуацию* и *интерситуацию*. Понятия эти в определенной мере условны и проявляются не всегда отчетливо — в зависимости от лексической семантики глагола. Так, если с окончанием действия *объяснил* возникает постситуация в виде его результата — 'полученное объектом знание о чем-либо', то у глагола *облагодетельствовали* невозможно четко расчленить во времени действие и его последствия. например: «сначала ссуду выделили, потом нуждающийся ее получил, потом он поправился...» Где здесь действие, а где постситуация? Скорее, постситуация в данном случае неотделима от содержания действия, возникает внутри его. Однако, поскольку совершенный вид в принципе всегда означает **изменения**, происходящие в материальном мире или в их отражении в сознании говорящего, то, на наш взгляд,

это определено логикой развития образов героев, речи которых принадлежат проанализированные глаголы. Именно постситуация объясняет и мотивирует мысли и чувства, поступки и намерения героев романа.

Перейдем к интерпретации выбора несовершенного вида.

1. *...несчастья наши тоже совершенно оканчиваются* вместо *окончились все совершенно*. (С. 25).

Выбор остался за аспектуальным компромиссом: с одной стороны — действие в его протекании, выраженное глаголом несовершенного вида; с другой — наречие *совершенно* со значением исчерпанности действия — прерогативой совершенного вида. Вероятно, этот компромисс призван выразить в ответном письме Варваре страстную надежду Макара на близкое завершение «черной полосы», совместно переживаемой обоими главными героями, — болезни Варвары и других житейских невзгод. Фиксировать же (посредством глагола СВ) наступление постситуации, т. е. состояния хотя бы относительного благополучия, Макар *не решился* — возможно, «чтобы не сглазить», поскольку «бедным людям» о благополучии чаще всего приходится только мечтать. Таким образом, в борьбе противопоставленных инвариантных значений видов — **действие в его существовании**, с одной стороны, и **переход действия в постситуацию**, с другой — победило, с существенной уступкой «оппоненту» в виде оттенка ‘совершенно’, первое значение, т. е. несовершенный вид.

2. *Я просил ее (книгу) для себя* вместо *Я попросил ее для себя*. (С. 25).

Макар сообщает Варваре, что он ищет для нее книгу, которую *здесь очень хвалят*, предварительно заметив не слишком оптимистично: *А что до книжек касается, то достать покамест нигде не могу*.

Состоявшееся обращение Макара с просьбой к некоему лицу (вероятно, к соседу или к сослуживцу) позже он изображает в письме третьему лицу, т. е. Варваре, в форме глагола НСВ *просил*. Опосредованность данного употребления глагола (по отношению к осуществлению обозначенного действия),

вполне правомерно применить в методологических целях указанную выше временную градацию собственно действия и ситуативного фона.

по-видимому, определила оттенок, актуальный и достаточный именно для адресата рассказа — ‘**факт существования** этого **действия** в прошлом’. НСВ в данном значении и в отличие от СВ *попросил* не требует детализировать обращение ситуативными компонентами: кого попросил? почему именно его? когда попросил? каковы последствия просьбы? и т. п. Интересно, что уточнение просьбы *для себя* скорее всего тоже потребовалось, чтобы предупредить ненужное распространение на эту тему. Все это — с точки зрения Макара — в его рассказе несущественно или нежелательно: главное — он **действует**, чтобы выполнить обещанное. Одним словом, выбор несовершенного вида, называющего действие, не сопряженное с ситуацией, обусловлен двумя факторами: с одной стороны, **неактуальностью ситуативного фона**, с другой — акцентированием субъектом речи (Макаром) **значимости существовавшего** в описываемом эпизоде **действия**.

3. *Да слушайте, Захар Петрович* вместо *Да послушайте, Захар Петрович*. (С. 42).

Это варианты, конкурирующие в письме Варвары Макару, где она рассказывает, как обсуждала со стариком Покровским подарок на день рождения его сыну Петруше. По существу обе видовые формы выражают акт привлечения Варварой усиленного внимания слушающего. Импульсом к данному акту послужила неожиданно возникшая идея Варвары, чтобы собрание сочинений Пушкина в 11 томах, купленное ими вскладчину, подарили они Петруше не вместе, а один Захар Петрович, и только от себя! Изначально он и рассчитывал сделать подарок сыну лично, но, увы!... только один том, да и на тот едва набиралось денег. Варвара сердцем поняла, насколько важен был личный подарок для бедного старика...

Данная ситуация требует аспектуального значения, специфичного именно для имперфектива — **квалификация действия как такового**. Действие в императиве квалифицируется как **более интенсивное**, чем СВ *послушайте* и по сравнению с общим тоном разговора. Варвара настолько загорелась своей идеей, что не могла допустить отказа старика принять от нее эту жертву. Кроме того, СВ нелогично призывал бы включить в процесс общения Варвары со стариком действие

ограниченной длительности, т. е. зафиксированное рамочным способом, — ‘проявить внимание на некоторое время’, — в то время как и до этого призыва беседа протекала с явной взаимной заинтересованностью.

4. *Не посмеют обвинять* вместо *не посмеют обвинить*. (С. 52).

Эта видовая альтернатива решалась Достоевским в письме Макара, в котором тот рассказывает Варваре о прочитанных книгах, в том числе о повести «Ермак и Зюлейка». Конкуренция глаголов возникла при передаче Макаром прямой речи Ермака о грозящих ему осложнениях, обусловленных любовной связью с Зюлейкой.

Аспектуальная формула выбора несовершенного вида: ‘**существование** осуждающей молвы’ вместо ‘**фиксации изменения** отношения к объекту’ со стороны окружающих его (т. е. отношения казачьего войска, местного населения к Ермаку). Значение отклоненного совершенного вида, а именно ‘**осудить** кого-либо вслух, принародно; резко **изменить** к нему отношение’, — с точки зрения Ермака, несовместимо с образом всемогущего атамана. Таким образом, сама собой отпадает необходимость и в отрицании невозможного, значит — в совершенном виде. Но Ермак не допускает даже возможности распространения — **существования** — осуждающей молвы как «ползучего» **процесса**, отсюда выбор глагола несовершенного вида в отрицательной конструкции, предназначенной для высказывания атамана.

5. *Вспоминаешь все старое* вместо *вспомняешь все старое*. (С. 55).

Воспоминания Варвары **в их существовании** (протекании), выраженном несовершенным видом, логично включаются в описание продолжительного состояния субъекта речи:

Иной раз, особенно в сумерки, сидишь себе одна-одинешенька... Сидишь, думаешь-думаешь, — *вспоминаешь* все старое, и радостное, и грустное, — все идет перед глазами, все мелькает, как из тумана.

Совершенный вид *вспомняешь*, с одной стороны, выражая состояние **ограниченной длительности**, плохо сочетается с объемным объектом — *все старое*; с другой стороны, имманентно сопряженный с **ситуативным компонентом**, совершенный вид в данном отношении контекстом не

мотивирован: отсутствуют стимулы фиксации действия по его границам, объему и др.

6. *Я к тому вам и писал все это* вместо *Я к тому вам и написал все это*. (С. 72).

В очередном письме Макар рассказывает Варваре, как пытался занять денег у сослуживцев, объясняя это тем, что *невозможно без них* [«займов»]; *уж и мне-то худо, да и с вами-то, чего доброго, что-нибудь вдруг да не так!* ведь вы *слабенькие*. Рассказ этот полон унижительных подробностей обращения Макара сначала к такому же мелкому, как и он сам, служащему, затем к большому начальнику...

НСВ требуется здесь для передачи мучительного чувства социальной угнетенности, испытываемого автором письма. Причем сильнее терзает его это чувство именно в **процессе описания** Варваре тягостного своего предприятия, чем во время его осуществления. Отклоненный СВ, фиксируя **завершение** изложения сообщения и **переход** его в **постситуацию** (отправления адресату), не выражает данного психологического оттенка.

7. *Я писала бы вам более* вместо *Я написала бы вам более*⁶. (С. 94).

Сентиментальный роман в письмах как большой, растянутый увеличительным стеклом, диалог. В нем каждая «реплика» похожа на монолог, но только по объему. По содержанию и по тону — это поочередное продолжение и развитие одной и той же «мелодии» — взаимная поддержка героев романа в мире жестокости и несправедливости. И в этой «симфонии» дружбы и сочувствия каждый участник исполняет свою «партию» не по «нотам», а по велению души. В данном случае формой несовершенного вида Варвара передает взаимное моральное утешение самим **процессом** «разговора» с Макаром; СВ выражал бы неуместное здесь значение **достигнутого результата** или цели — ‘переданной информации’.

8. *Всё об таком писано* вместо *всё об таком написано*. (С. 99).

Эта видовая корреляция фигурирует в издательской истории романа третий раз. В отличие от двух предыдущих случаев, в которых выбор несовершенного вида в предикативной форме был мотивирован

⁶ Форма сослагательного наклонения здесь к аспектualityности отношения не имеет — она потребовалась Варваре при объяснении и для оправдания краткости настоящего письма.

акцентом на процессе, на этот раз перед нами страдательное причастие прошедшего времени. Как известно, общая черта данной категории, в том числе у глаголов НСВ, как в полной, так и в краткой форме, — выражение перфектного значения (не свойственного предикативным формам НСВ). Чем же обусловлено предпочтение формы несовершенного вида *писано*, если перфектное значение более отчетливо передает совершенный вид страдательного причастия?

В одном из очередных писем Варваре Макар с воодушевлением сообщает, что ему предложили работу — переписать «толстую» рукопись некоего «сочинителя». Предстоят *посторонние деньги*. Но одновременно у нашего героя возникает опасение, справится ли он: рукопись неразборчива. *Что-то всё об таком писано* (вместо *написано*), что как будто и не понимаешь... — не столько своему другу поясняет он ситуацию, сколько сам пытается ее осмыслить, взвесить. Ведь кому как не опытному писарю понимать, что невозможно качественно переписать текст, если неточно воспринимаешь его содержание. Но как раз содержание, которое автор рукописи хотел изложить, *написать*, оказалось недоступно, точнее — доступно не в полной мере. Получилось: *писано*, да не *написано*! Итак, НСВ в рассматриваемом эпизоде призван, в отличие от СВ, выразить попытку достижения результата. Такое значение аспектологи называют **конативным**. Оно логично включается в более общую разновидность несовершенного вида — квалификации действия.

Комментарий. Итак, интерпретация выбора несовершенного вида представляет ряд более или менее типовых выразительных оттенков, неизменно базирующихся на его семантическом инварианте — **существовании (экзистенции) действия**. Сформулируем эти оттенки для каждого из рассмотренных случаев:

- 1) квалификация действия по фазе его протекания: *несчастья оканчиваются*;
- 2) акцентирование факта существования действия: *просил книгу*;
- 3) квалификация действия по интенсивности: *слушайте*;
- 4) квалификация действия как такового (в отличие от всех других действий) — неординарного социального отношения: *обвинять*;

5) квалификация действия как такового — определенного умонастроения: *вспоминаешь*;

6) квалификация действия как такового, осложненного неординарным психологическим состоянием субъекта: *я писал все это*;

7) квалификация действия как такового, осложненная субъективным отношением (нравственным удовлетворением субъекта): *Я писала бы вам более*;

8) квалификация действия как такового, осложненная субъективным отношением (негативной оценкой субъекта): *Всё об таком писано*.

Выводы.

- Выявленные модально-логические смыслы, определяющие выбор того или другого вида при их конкуренции, представляют собой частные результаты творческого процесса по созданию конкретного художественного текста⁷.

- Указанные смыслы характерны для русской речи в плане демонстрации неисчерпаемых выразительных возможностей русского глагольного вида.

- В плане актуальности указанные смыслы представляют собой модификации семантического инварианта каждого из видов: а) соотношение названного глаголом **процесса с ситуативным фоном** — для СВ; б) **существование (экзистенция) действия** как такового — в силу отвлеченности от ситуации — для НСВ⁸.

- Последовательная интерпретация выявленных в романе Достоевского конкурирующих видовых вариантов на основе двухкомпонентной модели семантического инварианта глагольного вида свидетельствует о ее эффективности для изучения и описания этой категории русского глагола.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). — М., 1971.

Борисова Е. Г. Ответы на вопросы анкеты аспектологического семинара филологического

⁷ Классификацию более общих функциональных вариантов глагольных видов см.: [Карпухин 2005; 2006].

⁸ В работе А. В. Бондарко четыре случая конкуренции частных значений видов не обнаруживают логической связи с постулируемой им же концепцией видового инварианта на основе понятий целостности — нецелостности действия (см.: [Бондарко 1971: 37–41]).

факультета МГУ // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. — М., 1997. — Т. 2. — С. 146–148.

Карпухин С. А. К проблеме семантического инварианта глагольного вида в русском языке // Русский язык в школе. — 2002. — № 1. — С. 65–69.

Карпухин С. А. Русский глагольный вид в языковом сознании // Русский язык в школе. — 2004. — № 3. — С. 101–108.

Карпухин С. А. Семантика несовершенного вида // Русский язык в школе. — 2006. — № 2. — С. 63–69.

Карпухин С. А. Семантика совершенного вида // Русский язык в школе. — 2005. — № 3. — С. 81–86.

Князев Ю. П. Сильные и слабые позиции видового противопоставления // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. — М., 2004. — Т. 4. — С. 108–118.

Шведова Л. Н. Трудные случаи функционирования видов русского глагола (к проблеме конкуренции видов). — М., 1984.

Шелякин М. А. О спорных вопросах русской аспектологии // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. — 2-е изд. — М., 2001. — Т. 1. — С. 210–219.

REFERENCES

Bondarko A. V. Type and time of the Russian verb (meaning and use). Moscow, 1971. (In Rus.)

Borisova E. G. Answers to the questionnaire of the aspectological seminar of the philological faculty of Moscow State University. In *Trudy aspektologicheskogo seminar filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova* [Proceedings of the

aspectological seminar of the philological faculty of Moscow State University M. V. Lomonosov]. Moscow, 1997, vol. 2, pp. 146–148. (In Rus.)

Karpukhin S. A. To the problem of the semantic invariant of the verb form in the Russian language. In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2002, No 1, pp. 65–69. (In Rus.)

Karpukhin S. A. Russian verb form in linguistic consciousness. In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2004, No 3, pp. 101–108. (In Rus.)

Karpukhin S. A. Semantics of imperfect appearance. In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2006, No 2, pp. 63–69. (In Rus.)

Karpukhin S. A. Semantics of the perfect form. In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2005, No 3, pp. 81–86. (In Rus.)

Knyazev Yu. P. Strong and weak positions of species contrast. In *Trudy aspektologicheskogo seminar filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova* [Proceedings of the aspectological seminar of the philological faculty of Moscow State University M. V. Lomonosov]. Moscow, 2004, vol. 4, pp. 108–118. (In Rus.)

Shvedova L. N. Difficult cases of the functioning of the types of the Russian verb (to the problem of species competition). Moscow, 1984. (In Rus.)

Shelyakin M. A. On the controversial issues of Russian aspectology. In *Trudy aspektologicheskogo seminar filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova* [Proceedings of the aspectological seminar of the philological faculty of Moscow State University M. V. Lomonosov]. 2nd ed. Moscow, 2001, vol. 1, pp. 210–219. (In Rus.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей Александрович Карпухин, доктор филологических наук.

Sergei A. Karpukhin, Dr. of Sci. (Philol.).